

**ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ФРАГМЕНТА
ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА: ПРАВОСЛАВНАЯ ЛЕКСИКА
В «СЛОВАРЕ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКА»**

*Работа представлена кафедрой русского языка.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Е. В. Сергеева*

В статье рассматриваются представленные в «Словаре церковнославянского и русского языка» словарные статьи слов, демонстрирующих отношение носителей русского языка первой половины XIX в. к религиозным понятиям, доказывається значимость православия в русской языковой картине мира XIX в.

Ключевые слова: языковая картина мира, православие, религионим, словарь, лексическое значение слова.

The main subject of this article is a complex of vocabulary articles represented in «Church Slavonic and Russian Dictionary», which demonstrate the attitude of Russian native speakers of the first half of the 19th century to the religious notions. The research proves the importance of the Orthodoxy for the linguistic world image of the 19th century.

Key words: linguistic world image, Orthodoxy, religionism, vocabulary, lexical meaning of the word.

Представление фрагмента языковой картины мира, связанного с религиозным мировосприятием, предполагает описание отраженной в языке религиозной картины мира. Для времени создания «Словаря церковнославянского и русского языка» (Словарь 1847 г., СЦРЯ) эта картина мира была

православной, поскольку православие являлось основной религией в государстве.

В Словаре 1847 г. содержится более 3100 лексических единиц (лексем, отдельных ЛСВ, «особенных выражений»), репрезентирующих православную картину мира. Эти единицы мы называем православными

религионимами, к которым относим лексемы, обозначающие основные понятия православного вероучения, в том числе и соответствующие им общехристианские и общерелигиозные понятия.

В СЦРЯ четко прослеживается отношение носителей русского языка первой половины XIX в. к православию, которое определяется авторами как исповедание *истинной*, более того, истинной христианской веры: *правоверие* – «Исповѣданіе истинной Христіанской вѣры; православіе»; *православный* – «Содержащій или исповѣдающій истинную Христіанскую вѣру; православѣрный»; *благоверно* – «Съ истинною вѣрою; правовѣрно, православно»; *добропобедник* – «О святыхъ мученикахъ: знаменитый, прославленный побѣдою въ подвигѣ за истинную вѣру». Под истинной христианской верой здесь понимается, вероятно, и православная вера по отношению к различным ветвям христианства, и вера во Христа по отношению к язычеству, которое оценивается как ложное вероучение. Семемы, соотносимые с языческими понятиями, представлены в словаре как периферийные компоненты лексического значения соответствующих лексем: «**Богъ**, а, с. м. 1) Предвѣчное и всемогущее, совершеннѣйшее существо, все создавшее и о всемъ промысляющее. *Богъ всеиленъ и вездѣсущъ*. 2) Ложное божество языческое. *У язычниковъ было много боговъ*»; «**Божество**, а, с. ср. 1) Божественное естество... 2) Тоже, что Богъ... 3) Языческіе боги...»; «**Божница**, ы, с.ж. 1) Полка или кивотъ, гдѣ ставятъ образа. 2) Церковь или часовня... 3) *Церк*. Капище для жертвоприношенія языческімъ богамъ...».

Для носителей русского языка первой половины XIX в. является актуальной идея обращения иноверцев (прежде всего язычников) в христианскую веру, что нашло отражение в словнике словаря и в иллюстративном материале. В Словаре 1847 г. представлены лексемы, обозначающие различные понятия, связанные с крещением, например: *выкрестить* – «Обратить въ Христіанскую

вѣру изъ Евреевъ, Магометанъ, или язычниковъ»; *новопросвещенный* – «Недавно принявшій христіанскую вѣру»; *обливанка* – «Крещенная, вмѣсто погруженія, обливаніемъ»; *перекрещивать* – «1) Совершать обрядъ крещенія надъ иновѣрцемъ». Показательны в этом отношении и примеры употребления, особенно при определении лексем, связанные с общерелигиозными понятиями: «**Обращаться**, шаюся, щаешься; обратиться, 5) Принимать другое вѣроисповѣданіе. *Изъ язычества обращать въ христіанскую вѣру*»; «**Христіанство**, а, с. ср. Вѣра, состоящая въ исповѣданіи Иисуса Христа. *Обращеніе язычниковъ въ христіанство продолжается еще доселѣ...*».

В отличие от толковых словарей русского языка советского времени дефиниции православных религионимов в Словаре 1847 г. не сопровождаются семантическими ограничителями типа «по религиозно-мистическим представлениям», «по религиозным верованиям», «у верующих» и т. п. Это вполне обосновано, поскольку все, что связано с Богом, воспринималось носителями языка середины XIX в. как безусловно существующее, вера во многом определяла образ жизни русского христианина. В словаре отражено отношение верующих к Богу, вербализованное в виде отдельных лексем или сверхсловных номинаций, прочно вошедших в сознание языковой личности в связи с ежедневным произнесением молитв Богу: *Животворящая Троица* (при определении лексемы *троица*), *Господь наш Иисусъ Христосъ* (при определении лексемы *церковь, евангелие*), *во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа* (при определении лексемы *крещение*) и др. Следует отметить, что в словарных статьях некоторых лексических единиц встречается местоимение *мы* в значении верующие: «**Искупитель**, я, с.м. 2) Название, придаваемое по превосходству Иисусу Христу, претерпѣвшему ради искупленія нашего крестную смерть»; «**Ангель велика совѣта**. Сынъ Божій Иисусъ Христосъ, возвѣстившій намъ волю Отца предвѣчна-

го»; «ГнѢвъ Божій. Бѣдствіе, посылаемое намъ за грѣхи».

В дефинициях ряда лексем, обозначающих общерелигиозные понятия, в Словаре 1847 г. прослеживается репрезентация христианских, и в первую очередь православных, идей. Так, в качестве основного значения лексемы *вѣра* указывается не просто «вѣрованіе въ Бога», в его существование, а «безусловное признаніе истинъ, открытыхъ Богомъ». Следовательно, то, что связано с Богом, являлось для русского человека первой половины XIX в. безусловной истиной. Помимо этого, в определении лексемы *вѣра* отражены православные представления о Боге как непостижимом Существо. Для православного сознания важна идея безусловного признания непостижимых человеческим разумом Божиих истин, в отличие от католицизма, для которого приоритетными являются теоретические доказательства бытия Бога. Во втором значении лексемы *вѣра* в Словаре 1847 г. трактуется как «догматическое ученіе, принятое цѣлымъ народомъ; вѣроисповѣданіе». Определение веры как догматического учения указывает на основывающееся на догматах христианство.

О степени важности для сознания носителя русского языка первой половины XIX в. православной, «истинной Христианской вѣры» свидетельствует в СЦРЯ и иллюстративный материал, где отдается предпочтение православию в ряду христианских конфессий и христианству в ряду других религий: «Исповѣданіе, я, с.ср. 3) Вѣра, образъ богопочитанія. *Православное, Римскокатолическое исповѣданіе*»; «Вѣра, ы, с.ж. 2) Догматическое ученіе, принятое цѣлымъ народомъ; вѣроисповѣданіе. *Принять православную вѣру. Подвизаться, умереть за свою вѣру*»; «Богослуженіе, я, с.ср. 1) Почитаніе Бога всенародною молитвою и славословіемъ по установленнымъ обрядамъ. *Богослуженіе Православное, Римско-Католическое, Лютеранское*»; «Законъ, а, с.м. 2) Определенный образъ

Богочитанія. *Законъ Христианскій, Иудейскій, Магометанскій*».

Говоря о лексикографическом представлении православной лексики как фрагмента русской ЯКМ в Словаре 1847 г. (по сравнению с толковыми словарями русского языка XX в.), можно заметить два противоположных явления. С одной стороны, этот словарь дает развернутую семантическую информацию о православных религионимах как наиболее значимых в жизни русского человека понятиях. Например, в СЦРЯ лексема *церковь* определяется как «1) Общество людей, соединенных верою в Господа нашего Иисуса Христа... 2) Власть, начальство церковное... 3) Место, посвященное богослужению, храм...» (далее в словарной статье этой лексемы приводится пять устойчивых словосочетаний), а в «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой (МАС) – как «1) религиозная организация духовенства и верующих, объединенная общностью верований и обрядности... 2) Здание, в котором происходит христианское богослужение».

С другой стороны, некоторые православные религионимы в Словаре 1847 г. определены достаточно кратко, поскольку отсутствовала необходимость в их пояснении. Для читающего эти словари православного христианина «не нужно было объяснять, что такое бог, откуда взялся крест как символ и как надо креститься: в XIX в. это было безусловное знание». Ср., например, толкование лексемы *богородица* в СЦРЯ, МАС и «Большом толковом словаре русского языка» под ред. А. Н. Кузнецова (БТС). По известным идеологическим причинам составителям словарей советского времени и особенно словарей конца XX – начала XXI в. приходится вводить в толкование объяснительные моменты, рассчитанные на некомпетентного читателя. В Словаре 1847 г., наоборот, представлена информация, ориентированная на адресата, знающего Священное Писание, например, словосочетание *Свальный грѣхъ* оп-

ределяется как грех против седьмой заповеди. Указание только номера заповеди приводится с учетом общеизвестности заповедей Божиих для носителя языка первой половины XIX в. Отметим также, что в «Объяснительной таблице сокращеній именъ сочинителей и заглавій книг, изъ которыхъ заимствованы в словарь примѣры» не показаны книги Библейские «какъ всѣмъ извѣстныя»¹. Вероятно, по этой же причине в тексте словаря часто используются при описании православных религионимов элементы богослужения, названия которых отсутствуют в «Объяснительной таблице», например: Акафист Богоматери, Ектения на преждеосвященной литургии, Канон Пресвятой Богородицы, Кондак в день св. Петра и Павла, Тропарь св. Николаю и др.

В отличие от толковых словарей русского языка советского периода в «Словаре церковнославянского и русского языка» определение православных религионимов осуществлялось в соответствии с их каноническим содержанием и характеризовалось дидактической направленностью. Эта направленность исходила из установки составителей сделать словарь пособием к изучению истин православной веры и выражалась в насаждении благочестивого образа жизни, что можно проследить, например, в иллюстративном материале следующих словарных статей: «**Благовѣрный**, ая, ое, -рень, рна, о, пр. Церк. Исповѣдующій истинную вѣру; правовѣрный, православный. Терпѣніе благовѣрнаго не лишено будеть. Сир. XIV. 14»; «**Благовѣствовать**, ствую, ствуеши, гл. д. Церк. 2) Проповѣдывать Слово Божіе. *Аще благовѣствую, нѣсть ми похвалы: горе же мнѣ, аще не благовѣствую.* 1 Кор. IX. 16»; «**Укропъ**, а, с.м. 3) Церковный сосудъ, въ которомъ содержится во время литургіи теплота, а въ другое время святая вода для надлежащего

употребленія. *Смотри, чтобы въ укропѣ у тебя всегда была святая вода.*».

Вероятно, ориентиром на эту установку обусловлено отсутствие в СЦРЯ ряда значений у некоторых лексических единиц, обозначающих религиозные понятия. Так, лексема *аминь* определяется составителями Словаря 1847 г. как «Подлинно, истинно, верно», это слово «полагается также в заключеніе молитвъ и проповѣдей». Однако, по данным «Словаря русского языка XVIII в.», слово *аминь* в XVIII в. употреблялось еще в двух значениях: «1) Аминь. Прост. Конец. 2) *Фольк.* Заклинательное магическое слово». Первое из этих двух значений зафиксировано в толковых словарях XX в. (МАС, «Словаре русского языка» С. И. Ожегова, БТС) и в «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, оба эти значения содержатся в БТС. Следует отметить, что эти значения у лексемы *аминь* не зафиксированы и в «Словаре Академии Российской», на основе которого создавался Словарь 1847 г.

Отметим в заключение, что православные понятия были настолько близки и понятны носителям русского языка, что составители СЦРЯ в ряде случаев для толкования лексем, не относящихся к религии, используют православные религионимы. Например, лексема *конторка* определяется как «письменный столъ съ ящиками наподобіе налож; бюро» (*налой* – «родъ поставца съ отлогою верхнею доскою, употребляемый въ церквахъ для возложенія св. иконъ и книгъ во время чтенія»), лексема *мужеложство* – как «Содомский грѣхъ», лексема *самослучайно* – как «не отъ Бога» и др.

Таким образом, «Словарь церковнославянского и русского языка» демонстрирует существовавшие в период его создания представления о православной вере как безусловно истинной и ее важное место в сознании носителей русского языка первой половины XIX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Куликова И. С., Салмина Д. В. Миссионерское Евангелие: добро или зло? (Филологическая критика). СПб., 2000. С. 17.

² Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук: Репр. изд. [1847 г.]. Кн. 1. СПб., 2001. С. XVIII.